
ДЖ. БРОДЖИ-БЕРКОФФ

Заметки Стефана Яворского на полях принадлежавших ему книг

В Харькове, в Университетской и Национальной библиотеках, хранится около 350 книг,¹ которые принадлежали Стефану Яворскому, украинскому ученому, с 1700 г. митрополиту рязанскому и муромскому. Эта библиотека отличается от подобных украинских собраний той эпохи не только исключительно большим количеством книг, но прежде всего тем, что в этих книгах сохранились сотни помет, подчеркнутых мест, заметок, приписок и комментариев, сделанных красивым, разборчивым почерком на разных языках (латинском, польском, церковнославянском, русском) самим Яворским. Библиотека Стефана Яворского была описана в 1914 г. С. И. Масловым, который привел около 600 названий книг на основании списка, составленного самим владельцем, решившим в конце жизни пожертвовать свою библиотеку монастырю в Нежине.²

Только недавно снова обратили внимание на библиотеку Стефана Яворского,³ но комментарии и пометы никогда систематически не исследовались. Целью настоящей статьи является описание некоторых книг исторического содержания и интерпретация примечаний Стефана Яворского, обнаруженных на полях этих книг.

В списке С. И. Маслова перечислены книги великих античных историков, значит, они были известны Стефану Яворскому. Но, к сожалению, в библиотеках Харькова эти книги не сохранились, и можно предположить, что произведения таких замечательных авторов, как Ливий, Саллюстий, Тацит, Плутарх и другие (наверняка это были латинские печатные издания западного происхождения), обратили на себя внимание какого-нибудь русского ученого вельможи или любителя книг, могли быть отделены от других книг Яворского и оказались в неизвестной нам московской или петербургской библиотеке.

Среди книг, которые сохранились в Харькове, находится несколько учебников истории разного рода и уровня. Наибольшее количество пометок и приписок содержится в одном из них — это произведение неизвестного сегодня автора Петруса Лаурембергиуса под названием «Chronius sive Historiae universalis

¹ О нынешнем состоянии каталогизации и некоторых общих особенностях этих книг см.: Vercoff Brogi G. A marginal Note on Marginal Notes: The Library of Stefan Jaworski // *Palaeoslavica*. 2002. Т. 10. N 1. S. 11—25.

² Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского // *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца*. 1914. Кн. 2, вып. 1.

³ Луцкая-Мазманянец Ф. И. Судьба библиотеки Стефана Яворского // *Книга: Исследования и материалы*. М., 1995. Сб. 70. С. 194—199.

epitome» (Aboae, 1695).⁴ Книга (размером 15 × 7 см), насчитывающая около 300 страниц, содержит важнейшие, но в то же время самые элементарные сведения из мировой истории начиная от сотворения мира. Некоторые параграфы имеют характер рассказа и пояснения, другие складываются из предложений и афоризмов. В конце каждого раздела находятся так называемые «Praxis didactica», части, состоящие из вопросов и ответов. Весь текст легко читается благодаря тому, что он напечатан разными шрифтами с использованием разрядки.

Без сомнения, учебник был предназначен для учеников школ и первых классов Академии. Сведения имеют явно выраженный дидактический и морализаторский характер, как это было принято, например, в учебниках для иезуитских школ. Каковы были сведения, интересовавшие Стефана Яворского, легко понять, если принять во внимание информацию и предложения, которые он собственноручно написал на первой белой странице своего экземпляра книги. В начале находим следующие 4 строки:

Crede nocens ferrum
Sed crede nontius aurum.
Occidet hoc corpus,
Occidit aurum animas.

За ними следуют краткие сведения о манихеях и других ересь (например: «Манихеем был и сам св. Августин в течение 9 лет. Барон. А. 227»). На с. 11 этого учебника Стефан Яворский подчеркнул следующее замечание дидактического характера о Каине: «Cain desperabundus ait: 'Major est iniquitas mea quam ut mihi remitti possit'. Cui respondet Patrum quidam: Mentiris Caine». Рядом с этими словами Стефан Яворский делает пометку «NB» (notabene), которой он часто предваряет свои комментарии и отмечает интересующие его параграфы. Яворский был одержим страхом совершить грех и потребностью каяться. Как хороший воспитанник иезуитов он, однако, бесконечно верил в силу молитвы и покаяния, что объясняет его внимание к упомянутой цитате из трудов неназванного отца церкви.

Помету «NB» и подчеркивание находим также рядом с некоторыми сообщениями о происхождении народов, хотя такие случаи немногочисленны. Например, Стефан Яворский обозначил пометой «NB» и подчеркнул (с. 13), что «Germani, Galli, Hispani, Suedi, Dani, Muscovitae &c» происходят от Яфета, а Сим был праотцом «Judaeis omnibus, ipsique adeo Christo». На полях (с. 47) он написал, что «Poloni Scythae», на основании того, что Дарий неудачно воевал против «Scythas Europeos, hoc est contra Moldavos, Valachos & Polonos». На с. 50 его заинтересовал тот факт, что у Артаксеркса было две жены, одна из которых бедная еврейка, рабыня Эстер. Интерес к еврейской истории и народу был традиционен для кругов Киево-Могилянской академии со времен Петра Могилы и Иоанникия Галятовского. Вопрос о ветхозаветных традициях и значении еврейской истории для христианства был не только данью «моде» (эта проблема была чрезвычайно популярна среди эрудитов культурной Европы XVII в.): большое число евреев в Речи Посполитой, особенно на ее окраинах, кресак (в Московской Руси до конца XVIII в. евреев практически не было), и сложные социальные и экономические отношения между украинцами, поляками и евреями

⁴ Неддермайер упоминает несколько иное название и указывает другой год издания: Lauberger Peter. Cronius, sive series compendiosa rerum illustrium, gestarum a mundi exortu... Ros-tochi, 1642. См.: Neddermeyer U. Das Mittelalter in der deutschen Historiographie vom 15. bis zum 18. Jahrhundert: Geschichtsgliederung und Epochenverständnis in der frühen Neuzeit. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1988. S. 394.

ми сделали эту проблему насущной для украинской православной культурной элиты.

Больше всего, однако, интересовали Стефана Яворского афоризмы и любопытные факты морального значения. Например, он подчеркнул афоризм «*Prudentiam inter illecebras mulierum regnare feliciter, octavum Mundi miraculum est*» (на с. 45), или сообщение Лаурембергиуса, что Элий Адриан убил 600 000 евреев, а умирая, прочитал известное стихотворение: «*O animula vagula, blandula, quae nunc abibis in loca, Pallidula, rigidula, nudula, nec ut solei dabis iocos*» (с. 124); Антоний Пий сказал: «*Malo unum civem servare, quam mille hostes perdere*». Политическая мудрость, опирающаяся на принципы абсолютистской власти (которая, без сомнения, была идеалом Яворского), находит свое выражение в таких подчеркнутых им изречениях: «*Regum et Principum consilia non sunt evulganda*» или «*Celeritas in Duce summa laus*» (с. 124). Он явно сочувствует католической резне гугенотов в 1572 г. (с. 180), но выражением «*Sol Exortus*» комментирует упоминание о Константине Великом и роскошном убранстве «Нового Рима» — Константинополя (с. 144): следует помнить, что Яворский был не только православным монахом и (позднее) иерархом, он был также учеником Варлаама Ясинского и хорошо знал, что Киевская митрополия была независима от Москвы и до 1686 г. подчинялась константинопольскому патриарху. Как известно, митрополит Ясинский долго защищал это положение киевской церкви, выступая против планов подчинения ее московскому патриарху.

На последней чистой странице книги Лаурембергиуса Яворский записал красивое изречение, точно отражающее общее мировоззрение эпохи барокко и ее любовь к словесным играм: «*Si queras honos non fugias onus. Quia fructus honos operis fructusque honoris onus*». Этот излюбленный им прием находим в иной форме и в его проповедях и письмах. Происхождение изречения мне неизвестно (это может быть античный афоризм, но может быть также афоризм эпохи Возрождения или барокко), понятно, однако, что для владельца данной книги в этих словах нашли выражение чувство потерянности в слишком быстро меняющемся мире и страх, вызванный связью между высоким социальным положением и тяжестью ответственности и давлением со стороны царской власти. Эта страница кончается еще одним высказыванием, написанным рукой Яворского, на этот раз осуждающим жажду власти («*filare Via semper fuit causa magnum scelus*»), цитатами из Священного Писания и, в конце, первыми строками известной элегии «К моим книгам» (*Ite meis manibus gestati saepe libelli / Ite meus splendor... decusque meum...*), написанной перед смертью самим Яворским. Почерк этих последних строк похож на почерк Яворского, однако, мне кажется, не идентичен. Скорее всего, это копия элегии Яворского, сделанная позднее читателями.

Из предыдущих замечаний, думается, понятно, что интерес Яворского к истории был ограничен и имел характер «вспомогательной дисциплины» по отношению к сочинению проповедей или полемических трактатов. Это соответствовало теории и дидактической практике, а также литературному и «научному» (полемика и теология) творчеству иезуитов. В их коллегиях, как известно, изучение истории было не отдельным предметом,⁵ а только средством находить по-

⁵ Интересно отметить, что в Великом княжестве Литовском в XVII в. иезуиты добивались разрешения изучать историю (даже национальную историю) в качестве отдельного предмета. Это разрешение не было дано римским генералом Аквавива, не в интересах которого было поддерживать патриотические устремления «новых» заальпийских народов (ср.: Brogi Vercoff G. 1) *O tyrologii polskiego piśmiennictwa w XVII w.: Na przekładzie historiografii erudycyjnej* // *Literatura polskiego baroku w kręgu idei* / Pod red. A. Nowickiej-Jeżowej, M. Hanusiewicz i A. Karpińskiego. Lublin: Wydawn. KUL, 1995. S. 15—32; 2) *Images et fonctions des Slaves orientaux dans la pensée de Wojciech Kojalowicz* // *RÉS*. 1998. T. 70. N 2. P. 363—375; Б р о д ж и - Б е р к о ф ф Дж. О языковой ситуации в Великом Княжестве Литовском и в России (конец XVI—начало XVIII века) // *Studia Russica*. Budapest, 1999. T. 17. P. 11—21).

учительные истории и изречения для того, чтобы использовать их затем в качестве *exempla* (примеров) в проповедях, дидактических произведениях и полемических трактатах. В этом смысле Стефан Яворский отличался от своего друга Дмитрия Ростовского, который ценил историографию не только как орудие создания проповедей (как он сам писал в письме к Яворскому), но и как интеллектуальное занятие, имеющее целью выявление исторической правды (конечно, в рамках церковной истории и единственной «истинной» правды, т. е. православной) и распространение знаний. Для Дмитрия выбор истории церкви в качестве предмета интересов был сознательным и отвечал его «духовному состоянию», как он сам пояснял в своих письмах и предисловии к своему историографическому произведению.⁶

Отсутствие у Яворского интереса к истории как науке и даже как к «патриотическому» произведению⁷ полностью подтверждается анализом других принадлежавших ему книг исторического содержания, сохранившихся в харьковских библиотеках. Там находится «*Chronica gestorum in Europa*» П. Пясецкого (Kraków, 1645), в которой, однако, нет и следа того, что ею пользовался Яворский. Отсутствует также обычный экслибрис, так что мне кажется не очень достоверным, находилось ли это произведение среди его книг. Зато его точно интересовал дидактический флорилегий малоизвестного автора Е. Рейснеруса (E. Reisnerus) под названием «*Hortulus historico-politicus Corona ex sex floribus variis*» (Herbonae, 1618).⁸ О Иоанне III Арагонском Яворский писал на полях этой книги (с. 34): «*Sero jam incipiunt homines videre, cum mors claudat oculus*» — или еще около цитаты из Сенеки (с. 41): «*Non patitur Regum socios, nec taeda jugelis. Nec duo Piladae...* [слово неразборчиво] *posset amor*». Имел Яворский также книгу «*Relacje powszechnie*» («Всемирные известия») Дж. Ботеро: заметки носят здесь исключительно политический характер и заслуживают специального обсуждения.

Остановлюсь еще кратко на книге Барония, которую Яворский комментировал, без сомнения, больше всего. Это произведение он читал в обработке Петра Скарги под названием «*Roczne dzieje kościelne*» (первое издание: Краков, 1603). Необычно уже то, что на первой странице (титульного листа нет) Яворский обозначил не только год получения митрополичьей кафедры, но также дату получения должности профессора теологии («*Ex libris Stephani Jaworski Professoris Sacrae Theologiae Scholarumque Praefecti. In Collegio Kijoviensi Anno 1697, a potym Metropolity Riazianskiego Anno D 1700 et caetera*»). Нет указаний, позволяющих установить, когда книга попала к Яворскому, но можно предположить, что он купил ее или получил в подарок в те годы, когда учился в одной из иезуитских коллегий в Речи Посполитой (до 1685 г.). Глоссы в этой книге необычайно многочисленны, можно насчитать их не десятки, как в других книгах, а сотни. Было бы невозможно описать их все, но, к счастью, они легко объединяются в группы. Прежде всего, обращают внимание многочисленные подчеркнутые места и комментарии — часто открыто иронические и даже саркастические, касающиеся поступков и личности папы. Так, например, о римлянах, которые хотели бы целовать не только ноги, но также лицо папы, Яворский

⁶ Brogi Bercoff G. The Letopisek of Dimitrij Tuptalo, the Metropolitan of Rostov, in the Context of Western European Culture (Contributi italiani all'XI Congresso Internazionale degli Slavisti — Bratislava 1993) // *Ricerche slavistiche*. 1992/93. Vol. 39—40. N 1. P. 293—364.

⁷ См.: Brogi Bercoff G. *Królestwo słowiań: Historiografia Renesansu i Baroku w krajach słowiańskich*. Warszawa: Wyd. Świat literacki, 1998.

⁸ Вероятно, можно отождествить автора с Елиасом Рейснером (Elias Reusner), автором другой книги под названием «*Isagoges historicae libri duo, quorum unus ecclesiasticam, alter politicam continet historiam*» (Jenae, 1600). Cp.: N e d d e r m e y e r U. *Das Mittelalter in der deutschen Historiographie vom 15. bis zum 18. Jahrhundert*. S. 415.

иронически замечает (по-польски): «Dosić nogi całować, wyżej nie dopuszczą» (р. г. 1145, s. 1142). А еще, немного дальше, глосса (комментарий) к известию Скарги, что король в Париже пал на колени и целовал ноги папы (р. г. 1162, s. 1162): «En iterum papalis humilitas servi servorum».⁹ Парой страниц ниже находим еще более острый комментарий насчет жадности папы. Около слов св. Берната в похвалу Евгению III (цитируемых Скаргой): «Niesłychana rzecz aby do Rzymu złoto wniesione do domu się wracało», Стефан пишет глоссу: «Si caput a capio vel dixeris sapiendo, tunc est Roma Caput omnia namque capit» (р. г. 1151, s. 1151). Даже если допустить, что остроумная словесная фигура не принадлежит перу Яворского (что, впрочем, не исключено), сам факт цитирования свидетельствует о его антипапском настрое.

Несколько раз Яворский обращает внимание на болгарские дела, что для православного церковного деятеля неудивительно: католические претензии на Болгарию были особенно сильны в XVII в. и не могли не столкнуться с «правами» Православной церкви на Балканах и стремлением Российского государства расширить свою власть на землях юго-восточной Европы, находившихся под властью Оттоманской империи. Антикатолический настрой проявляется, например, в комментариях там, где Скарга пишет о «язвительном» письме, адресованном папе Николаю I византийским императором («List szpetny do papieża», — замечает Скарга), а Яворский комментирует: «Nie szpetny dlatego że prawdę mówiący» (р. г. 865, s. 820). Кроме того, он считает, что папа организовал «бунт» болгар против Фотия, потому что тот показал ошибки латинян («Buntuje inszych Papież o to iż tu prawdę mówiono» — р. г. 867, s. 824), и объяснил, что отстранение епископа Формоса было справедливо и вызвано вмешательством латинян на территории, подлежащие греческой юрисдикции («Zato był złożony, iż w Bułgarię w cudze źniwo sierp zaruścić» — р. г. 883, s. 848).

Антипапская полемика не мешала Яворскому черпать сведения и поучительные примеры из Барония—Скарги для антиеретической полемики. Так, например, он замечает, что «Baptismum prolungatum et dilatatum usque ad senium Patres SS. damnant et in infantiam statuerunt» и что «wzywanie świętych zeszyłych starodawne» (р. г. 377, s. 294). На последней странице тома Яворский комментирует мнение Скарги (р. г. 1035) о необходимости смертной казни для закоренелых еретиков такими словами: «Haeretyków potępionych niesłuchać ale ie karać[;] insza rzecz kiedy de Nono articulo iakie Conciliis nie utwierdzony oppugnatur, w tenczas można Dysputę wyuzywać vide huc f. 1010».¹⁰ Мне кажется вполне вероятным, что этот комментарий был связан с одной из многочисленных акций митрополита рязанского против еретиков в России (например, дело старовера Талицкого 1701 г. или лекаря Тверитинова 1714 г.), хотя не исключено, что этот образ мыслей был характерен для него уже во время его пребывания в Киеве или даже во время обучения в Польше: позиция Стефана Яворского относительно евангелистов и вообще еретиков всегда была исключительно твердой.

Гораздо чаще, однако, комментирует Яворский данные из «Церковной истории», касающиеся православно-католической полемики. Несколько раз он отмечает у Барония—Скарги места, позволяющие ему оправдывать женитьбу священников или другие православные обычаи, например, о Сатурнине, который имел сына: «Sacerdotes habebant uxores. Cur nunc non?» (р. г. 303, s. 162), или о приготовлении хлеба евхаристии: «Na kwaśnym chlebie przedym w Rzymskim kościele mszę celebrowano» и «Si per fermentum fides significatur ergo convenientius est in fermentato conservare quam in azymo» (р. г. 314, s. 179).

⁹ Так же на с. 1177 около текста Скарги «A papierz na szyją [Fredcryka] nogę włożywszy» находится глосса: «Humilitatis Papalis exuberantia quia est servus servorum».

¹⁰ Речь идет о с. 1010 в книге Скарги, находившейся у Яворского.

Еще более интересными и значительными кажутся мне глоссы, касающиеся политической идеологии Яворского. Приведем только некоторые примеры. Отношения между государством и церковью, точнее, между царем или императором (или королем) и патриархом или папой, понимал Яворский в рамках «симфонии» (соглашения, согласия), как было принято в византийской традиции. Он резко осуждал вмешательство государственных властей в дела церкви, с другой же стороны, не допускал никакой политической деятельности для церкви, за которой Яворский оставлял исключительно право морально и духовно наставлять и учить государственную власть. Духовенство имело не только право, но и обязанность говорить правду даже против монарха (например, в проповедях) и даже невзирая на возможные преследования (так выражался Яворский — по крайней мере теоретически — в разных произведениях), но в конечном счете было обязано подчиниться власти и отдаться воле Божьей. Яворский, например, с одобрением замечает, что «Константин Великий не хотел судить епископов» (р. г. 325, s. 193), и едко комментирует тот факт, что король или император должны были вести коня папы (р. г. 1155, s. 1154): «*ahah detestabilis arrogantia!*». Мнение Яворского, что церковная власть имела не только право, но и обязанность морально осуждать преступления императора, проявляется в том, что он подчеркивал и отмечал знаком «NB» сообщение Скарги о папских послых, которые «*się króla nie bali a onego gdy się to pokaże, iż niestusznie żonę własną porzucił, wyklełi*» (s. 816). С другой же стороны, признает Стефан, что император получает свою власть из рук Бога. «*Hoc est verum. Quia dicitur per me Reges regnant*», — пишет он на полях с. 1155, где Скарга рассказывает о праве императора выбирать князей, потому что «от самого Бога Империю имеет» («*od samego Boga Cesarstwo ma*»).

В «Истории церкви» Яворский подчеркнул и обозначил пометкой «*notabene*» параграфы, касающиеся вопросов, близких и болезненных для него. Скарга рассказывает (р. г. 854, s. 805) о подлости византийского императора Михаила, который «сделал себе Грилля патриархом и наделал дорогих риз (фелоней) и кубков <...> по церковному образцу и приказал ему <...> обедино служить <...> Наконец, и по улицам как бы с процессией ходили <...> над патриархом потешаясь, с руганью его прогнали». Яворский этого не комментирует, но пишет «NB» и кириллицей «Зри». Известно, как болезненно он смотрел на подобные церемонии, которые устраивал Петр со своим псевдопатриархом и «всешутейшим собором». Может быть, он ничего не писал на полях, потому что речь шла о греческом императоре и он не хотел заострять на этом внимание. Вероятно, однако, это дело было для него важным. Возможно, он отметил этот параграф для предполагаемой дискуссии о развлечениях Петра, которые наверняка считал святотатственными. Хорошо зная, что воле императора трудно противостоят, он, возможно, все же ожидал удобного случая воспользоваться этим *exemplum*. Стоит здесь вспомнить, что Стефан Яворский неоднократно писал о недостойных священнослужителях, не имеющих мужества открыто осуждать преступления государственной власти, и нет сомнения, что в некоторых случаях в осуждении таких недостойных пастырей звучала горькая нота самообвинения: он прекрасно понимал двусмысленность своего собственного положения как привилегированного иерарха, который чистой совестью и свободой слова и дела расплачивается за привилегии, которые получил от Петра.

Император Михаил служил Яворскому также иллюстрацией другого греха, а именно он принудил собственную жену принять монашеский постриг. Не мог митрополит рязанский не думать о судьбе царицы Евдокии и новом браке Петра, поэтому обозначил и этот параграф пометкой «NB» и добавил кириллицей «Зри» (р. г. 855, s. 807). Дальнейшие замечания, касающиеся этих вопросов доктрины и политики, находим и в других местах «Истории церкви». Так, на по-

следней странице читаем следующие замечания: «Супружеских разводов Евангелие не допускает» («Rozwodów małżeńskich Ewangelia nie dopuszcza») (со ссылкой на с. 355) и «S. Theodorus Studita gromi i przeklina cesarza Leona że własną żonę porzuciwszy u do zakonu przymusiwszy, iną pojął, z czego się wielkie skandala namnożyły».

Итак, из всего сказанного следует, что Бароний—Скарга был для Яворского исключительно важным источником этических и церковно-политических понятий. Примечания и глоссы, касающиеся Петра Великого, указывают на то, что он часто пользовался «Церковной историей», чтобы найти примеры и аргументы в защиту церковных канонов, прав и имущества. Указания на каноническое право против разводов могли относиться к первым годам XVIII в., когда Петр добивался развода с Евдокией, или к 1710—1711 гг., когда он намеревался официально жениться на Екатерине. Я, однако, не исключаю и другой принципиально отличной ситуации, а именно, что это сам Петр искал доводов, оправдывающих его развод с Евдокией и новый брак, и просил митрополита провести канонические и исторические разыскания. По моему мнению, нельзя считать, что Петр совсем не заботился о правовых и канонических приличиях: с противниками его развода и нового брака с Екатериной он должен был считаться и не мог их просто проигнорировать. Наверное, не раз — особенно первые 15 лет деятельности митрополита рязанского, до приезда Феофана Прокоповича — Петр искал канонические документы для оправдания своих намерений, поэтому правовая и теологическая эрудиция Яворского могла быть ему нужна. Другое дело, что царь указания канонического права принимал и пользовался ими только тогда, когда считал их для себя полезными, но часто поступал, руководствуясь скорее своими собственными убеждениями или «интересами государства», чем каноническим правом! Дальнейшие исследования произведений Яворского и глосс в его книгах могут дать дополнительные сведения по этому вопросу.

Труднее установить дату заметок и следов использования книги Барония, когда Яворский обращался к этому источнику для антикатолической и антипротестантской полемики, потому что враждебное отношение Яворского к «латинянам» и «еретикам» было постоянным. В некоторых случаях можно предполагать, что его заметки касаются знаменитого дела Д. Тверитинова, но часто хронологически точные данные трудно установить: фрагменты из Барония в переводе Скарги могли быть нужны Яворскому, например, в 90-е гг. XVII в. во время бесконечных переговоров между киевским митрополитом Варлаамом Ясинским и католическими властями на восточных землях Речи Посполитой, переговоров, в которых Стефан Яворский наверняка участвовал перед своим отъездом в Москву.

Из всего этого несомненно следует, что такой важный источник, как «История церкви», рассматривался Яворским с тех же позиций, что и другие исторические произведения. У него не было научного интереса к истории, даже в том ограниченном смысле, который имеет слово «научный» по отношению к историографической деятельности Барония или даже более скромного Димитрия Туптало. Все церковные историографы имели в XVII и начале XVIII в. цели, связанные с борьбой конфессий. Слово «правда» имело для них эсхатологическое значение: они искали «правды абсолютной и вечной», правды божественной, а не человеческой. Однако на Западе (и частично в Польше) церковные историки признали великие перемены XVII в. в области поисков и методов исследования источников и в ориентации на эрудицию и энциклопедизм. Этого всего не хватало Яворскому, который придерживался общего направления, господствовавшего в иезуитских школах, где историография считалась прежде все-

го — а часто исключительно — источником поэтического или риторического искусства, полемики и противоречивой диалектики, а также использовалась для поучения народа в проповедях. Для Яворского история была наукой вспомогательной, подчиненной наукам «высшим», т. е. философии и — прежде всего — теологии. Даже его немногочисленные замечания, касающиеся государственной или национальной истории, ограничились установлением библейского происхождения определенного племени или народа или отделением христианских народов от исповедующих иудаизм евреев. К историографической деятельности своего друга митрополита ростовского Димитрия Туптало Яворский питал глубокое уважение, может быть, даже восхищение: нет оснований сомневаться в искренности его хвалебных и поощрительных слов, содержащихся в письмах к Туптало. Однако сам он историографией не занимался, только «использовал» исторические сведения для иных целей. Трудно сказать, было ли это связано с его *curriculum studiorum*, которое развивалось главным образом в польских иезуитских академиях, или скорее с личными склонностями, направленными прежде всего к ораторской риторике, религиозной полемике, панегиризму и теологической мысли: вероятно, одно неотделимо от другого. Что же касается его общего отношения к истории, следует предположить, что история Польши, Украины и России была ему довольно хорошо известна как человеку, близкому митрополиту Варлааму Ясинскому, гетману Ивану Мазепе и Петру Великому.

С Димитрием Ростовским его сближало то, что оба считали как государственную, так и национальную историю областью, чуждой ученому церковнику. Туптало выбрал, однако, областью интересов церковную историю и занимался ею в дидактических целях в связи с необходимостью обучения низшего православного духовенства, погруженного в глубокую темноту невежества. Что интересовало Яворского — как в истории государств и народов, так и в истории церкви — это то, что могло быть использовано для подготовки проповедей, для похвалы предметам его панегириков (особенно Ясинскому и Мазепе), позднее — в России — для сочинения проповедей и похвальных речей царю/императору российскому и, наконец, для ведения религиозных споров (антипротестантских) и для написания теологических трактатов. История народов и государств для него не была предметом «чистой» и отдельной науки, но только источником поучительных примеров. Для Туптало, напротив, история государств была более приближена к научному предмету, хотя и не подходящему для духовного лица. Яворский выразил глубокое уважение к истории церкви, написанной Туптало, воспользовался, однако, историческими произведениями — национальными и церковными — исключительно в целях создания панегириков, проповедей и религиозной полемики. С этой точки зрения Яворский близок к польским и европейским иезуитам.

Принимая во внимание разницу в отношении к истории Яворского и Туптало, можем поставить вопрос, следует ли позицию Яворского считать доминирующей в Могилянской академии или скорее его личной. По моему мнению, можно предположить, что история и необходимость ее изучать считались более необходимыми и независимыми в Киевской академии, чем в иезуитских академиях: такие любители истории, как Иннокентий Гизель и прежде всего Варлаам Ясинский и Димитрий Туптало, писали, правда, и в идеологических и церковно-политических целях, в похвалу Печерской лавре и Православной церкви. Однако они писали также и для приведения исторических фактов. Стоит также подчеркнуть, что выше отмеченный случай в иезуитской Виленской академии свидетельствует о существовании определенных «патриотических» интересов у литовских иезуитов, что и вызвало негативную реакцию со стороны римского

генерала Ордена.¹¹ Этот факт подтверждает другие сведения, касающиеся развития национального самосознания интеллигенции и дворянства «кресов» (т. е. окраинных (Украина, Белоруссия, Литва) областей Речи Посполитой). В этом смысле определенное распространение интереса к истории «народа» и истории вообще не только как вспомогательной дисциплине, но также как самостоятельному дидактическому предмету могло быть явлением, типичным для «кресов» и связанным с усилением национального самосознания литовцев, украинцев и белорусов против универсализма Католической церкви, и особенно римских иезуитских авторитетов. Проблема эта заслуживает более глубокого изучения.

Стефан Яворский не был историком, он был поэтом, но прежде всего теологом и проповедником. Этим он и занимался как на Украине, так и в России, и благодаря этим качествам его пригласил на службу и ценил (несмотря на многочисленные противоречия) царь Петр. Но в вопросах истории царь обращался в большинстве случаев не к духовенству, а к иным, светским, современно думающим историкам. И это правильно.

¹¹ См. примеч. 5.